

Методы социологических исследований

© 2003 г.

Н. М. ДАВЫДОВА

ДЕПРИВАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ОЦЕНКАХ БЕДНОСТИ

ДАВЫДОВА Надежда Марковна - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института комплексных социальных исследований РАН.

Бедность - глобальная социальная проблема, активно исследуемая и имеющая много сходных черт во всем мире. Теоретически бедность, по мнению большинства исследователей, представляет собой неспособность поддерживать определенный приемлемый уровень жизни, поэтому "классические" бедные семьи существовали везде и во все времена.

Тем не менее, несмотря на накопленный научный опыт изучения проблем бедности, многочисленные попытки оценить масштабы ее распространения в пореформенной России представляют достаточно противоречивую картину. В условиях, когда "денежный доход перестает быть надежным мерилем реального потребления" [1], бедность трактуется по-разному - и как низкий уровень доходов и расходов, и как отсутствие необходимых ресурсов, и как невозможность поддержания желаемых жизненных стандартов, и как определенное самоощущение себя в социуме.

Теоретико-методологические подходы к изучению и измерению бедности (а, соответственно, и источники расхождения в оценках ее масштабов) исходят из трех основных концепций: *абсолютной*, основанной на формальном соответствии доходов установленному минимуму средств существования; *субъективной*, базирующейся на оценках собственного положения самими людьми; *относительной*, предполагающей, что при различии стандартов потребления в разных сообществах установление единого минимального "порога бедности" по меньшей мере проблематично и зависит от среднего уровня жизни конкретной страны. В эпоху кризиса так называемого государства всеобщего благосостояния (Welfare State), затронувшего развитые страны мира (в России также фиксируются эти процессы), многие ученые и политики приходят к выводу, что бедность в современном индустриальном обществе должна рассматриваться уже не как абсолютное, а как относительное состояние, и, следовательно, неизбежно будет существовать до тех пор, пока существует общественное неравенство [2].

Официальные представления о бедности в России базируются на ее абсолютном понимании, при этом индикатором служит сопоставление среднедушевого дохода с прожиточным минимумом (ПМ), т.е. со стоимостью минимальной корзины, формируемой с учетом установленных нормативов потребления. Именно на основе этого подхода Госкомстат рассчитывает и предоставляет данные о доле бедных российских домохозяйств (их среднедушевые доходы - ниже величины прожиточного минимума). Однако метод, используемый в оценках Госкомстата, на протяжении всего последнего десятилетия подвергается вполне обоснованной критике со стороны авторитетных специалистов в области изучения бедности. Например, З. Голенкова, М. Можина, Н. Рима-шевская в разное время обосновывали необходимость усовершенствовать "морально

и физически устаревший" официальный норматив бедности. Вероятно, в ответ на критику Правительством РФ в 2000 г. были предприняты некоторые шаги по пересмотру методики расчета прожиточного минимума, лежащего в основе определения статистических границ бедности в России [3].

Однако сам по себе критерий "прожиточного минимума" может давать разные результаты в зависимости от того, что будет под ним пониматься. Помимо официально используемой методики, существуют разные подходы к расчету прожиточного минимума и разные представления о нем. ВЦИОМ, например, регулярно отслеживает мнение населения о необходимой величине ПМ и приходит к выводу, что для россиян это понятие означает скорее социальный минимум, который гарантирует "скромное, но более-менее приличное существование" [4].

Помимо прочего, данные, исходящие из сопоставления ПМ и душевых доходов россиян, не всегда адекватны реальной ситуации с бедностью, поскольку в современных условиях сведения о доходах недостаточно надежны. Исследователи все чаще склоняются к тому, что распределение населения по расходам лучше отражает реальное материальное положение людей, чем на основании душевых доходов. Альтернативой официальной статистике в оценках материального положения по уровню среднедушевых расходов часто служат данные RLMS - крупнейшего лонгитюдного выборочного обследования домохозяйств, осуществляемого с 1992 г. Демографические параметры выборки RLMS репрезентативны для российского населения в целом [5].

Однако специалистам постепенно становится понятным, что объем денежных доходов и расходов семьи также не совсем полно отражает реальность. Часто не учитываются другие возможные способы получения потребительских благ. Так, по расчетам Л. Овчаровой, около 40% потребляемых продуктов питания в настоящее время производятся в личных подсобных хозяйствах и на садово-огородных участках [6]. Исходя из этого факта, необходима дооценка среднедушевых доходов и расходов, которую и осуществляют некоторые исследователи [7]. Базой для дооценки, а также для дальнейшей структурной математической индексации уровня бедности служат данные официальной статистики бюджетов домохозяйств и выборочные бюджетные обследования, в том числе и региональные, что крайне важно, поскольку различия здесь чрезвычайно заметны.

Слабым местом любых количественных оценок бедности (и на это часто обращают внимание социологи в отличие от экономистов) остается игнорирование широкого спектра других доступных ресурсов, влияющих на поддержание материального благосостояния людей. Поэтому российские социологи в ряде случаев прибегают к использованию субъективных подходов в оценке масштабов бедности и выделении бедных групп населения. Однако опора на субъективные оценки удовлетворенности личным материальным благосостоянием также не решает проблему надежности данных, поскольку прямой зависимости между субъективными самооценками и фактическим уровнем доходов людей не наблюдается; зависимость имеет скорее характер тенденции, на что указывает, в частности, Т. Заславская и ряд других исследователей [8].

Дело в том, что сама необычность нынешней российской ситуации открытых, подчас демонстративных неравенств влияет на мироощущение людей ничуть не меньше, чем само по себе ухудшение их собственного положения (некоторые ученые даже считают, что определяющим фактором здесь выступает "социальная зависть") [9]. В основу субъективных оценок зачастую закладывается принцип социального сравнения с референтными группами, практикующими иные (более высокие) стандарты жизни и образцы потребления. Чем выше уровень материального положения в прошлом, тем острее ощущается *субъективное обеднение*. Известна также и прямо противоположная тенденция - потребности бедных часто искусственно ограничиваются ими же самими, таким образом они адаптируются к реальным условиям жизни и испытывают большую или меньшую удовлетворенность тем, что имеют. По мнению специалистов ВЦИОМ, субъективный подход - скорее индикатор политической устойчивости реформ, чем критерий фактического материального положения [10]. Тем не менее, не-

которые западные специалисты (например, Г. Стэндинг) в своих суждениях о степени "социетального обнищания населения России" [11] оперируют именно субъективными оценками материальной обеспеченности.

Как бы то ни было, социальная важность проблемы бедности стимулирует многих российских исследователей на дальнейшее совершенствование методов ее изучения в пореформенной России. Известно, что важнейшим аспектом уровня благосостояния выступает имущественная, жилищная, ресурсная обеспеченность домохозяйств как их материальный (а не чисто денежный) актив. Во многих группах населения существует значительный люфт между уровнем дохода и состоянием предметно-вещной среды обитания (на что указывают, например, Л. Гордон, Л. Овчарова, М. Черныш). Поэтому все чаще для решения исследовательских задач социологи прибегают к построению сложных многомерных индексов благосостояния населения, причем важную роль в конструировании подобных интегральных индикаторов играют не только объективные материальные/имущественные показатели, но и субъективные оценки материальной обеспеченности [12].

Тем не менее, и измерение доходно-расходной стороны жизнедеятельности в рамках абсолютной концепции бедности, и учет субъективных оценок материального положения не дают гарантий полной надежности данных. Субъективный подход продолжает оставаться достаточно уязвимым, а оценки благосостояния на основании величины располагаемых доходов не дают ответа на вопрос, происходит ли снижение уровня жизни населения в прямом соответствии с уровнем заявляемых им душевых доходов. Объективность декларируемого душевого дохода крайне сложно проверить, а одного его оказывается явно недостаточно, чтобы понять, какими ресурсами в действительности обладает семья. Поэтому на волне критики традиционных методов в последние десятилетия в России возник интерес к новым социологическим подходам к пониманию и изучению бедности. Речь, прежде всего, идет о концепции относительной бедности, пионером которой считается англичанин П. Таунсенд [13].

В рамках предложенного им подхода положение бедных соотносится не со статистическими показателями, характеризующими абстрактные минимальные потребности, а со средним уровнем жизни, достигнутым в той или иной стране. Исходный пункт концепции - понимание, что оценка такого сложного социального феномена, как бедность, невозможна без получения максимально полного представления о его специфике в условиях того или иного сообщества. Поэтому исследования относительной бедности охватывают различные стороны бытия людей, а не выявляют какой-то один критерий, позволяющий отделить бедных от небедных. А. Макколли и М. Можина, применившие этот подход в условиях России, констатируют, что бедность как предмет изучения в этих рамках приобретает "более широкий социальный смысл" [14].

В последние годы российские исследователи все чаще рассматривают проблему бедности с позиций относительного подхода. Его смыслу достаточно полно отвечает метод выделения бедных по принципу медианы. В рамках этого метода бедными признаются те, чей доход составляет определенную долю "серединного" дохода в данной стране в данный период времени. При этом черта бедности всегда находится на одном и том же расстоянии от медианы, статистически характеризующей достигнутый в обществе средний жизненный стандарт [15]. Надо сказать, что метод выделения бедных по принципу медианы очень хорошо зарекомендовал себя в сравнительных исследованиях (в частности, он использовался Л. Хахулиной и М. Тучеком в кросс-национальном исследовании неравенства в постсоциалистических странах [16]).

Кроме того, именно в последнее время российские социологи начинают приходить к выводу, что в исследованиях бедности необходим анализ депривации, лишений и ограничений в социальной жизни, которые в действительности испытывает и от которых страдает определенная доля населения. В этом состоит суть депривационного подхода в оценках бедности - неотъемлемой составляющей концепции ее относительного понимания и изучения. Основные характеристики и особенности применения этого подхода в российских условиях и являются предметом данной статьи.

Депривационный подход (или оценка бедности через испытываемые лишения) требует учета целого ряда не только материальных, но и социальных индикаторов с целью определения качественного "порога", ниже которого недостаточность душевых доходов приводит индивида или домохозяйство на грань выпадения из привычных социальных связей и общепринятого образа жизни большинства населения определенного региона или страны. "Порога", который по сути означает социальную эксклюзию, т.е. фактическое исключение определенной доли населения из нормальных условий жизнедеятельности. Английские эксперты в сфере исследования бедности К. Оппенгейм и Л. Харкер констатировали, что состояние бедности накладывает отпечаток на все аспекты существования индивида или семьи: удовлетворение потребностей, социальное участие, доступ к общественным благам и т.д. Не факт, что люди, оказавшиеся в бедности, "страдают от ущербности всех упомянутых сторон нормального существования, но часто их лишения действительно *многомерны* по сравнению с теми, кто обеспечен лучше, чем они" [17]. Анализ бедности через идентификацию видов общепринятого социального и личного участия, из которых люди по причине недостатка средств исключаются, достаточно трудоемок, но в результате гораздо более информативен, чем многие традиционные подходы.

Депривационный подход в оценках бедности изначально был основан на выявлении той точки ("порога") материальной обеспеченности, ниже которой снижение душевого дохода резко ускоряет падение жизненного уровня. П. Таунсенд предположил само наличие этого "порога" и пришел к выводу, что там, где степень депривации (измеряемой количеством лишений) остается выше "порогового" уровня, материальное положение индивида или домохозяйства ухудшается медленнее и не столь наглядно [18], т.е. его динамика не приобретает явно негативного, "обвального" характера. Таким образом, проблема бедности в рамках этого подхода предстает как процесс и результат одновременно. Нарастание лишений, ограниченный в общепринятом наборе жизненных благ и видов деятельности, связанное с нехваткой ресурсов, свидетельствует о динамике снижения уровня жизни, а бедность как глубокое, самогенерирующееся состояние, из которого крайне трудно или практически невозможно выйти, связывается с прохождением некоего качественного "порога" испытываемой депривации.

Важно подчеркнуть, что применение депривационного подхода в исследовательской практике предполагает решение *трех основных методологических задач*: 1) как определить индикаторы депривации; 2) в какой мере они свидетельствуют о снижении общепринятого для данного сообщества уровня жизни; 3) существуют ли качественные "пороги" депривации, позволяющие давать оценку жизненным стандартам того или иного индивида или той или иной семьи.

Эти задачи так или иначе уже решались западными и российскими социологами. Депривационный принцип вычленения бедных прошел апробацию в ряде европейских стран, причем оригинальная методика П. Таунсенда (который изначально определил набор индикаторов депривации экспертным путем) усовершенствовалась. Например, в рамках Британской серии исследований черты бедности (LWT), проведенных Д. Мэк и С. Лэнсли в середине 80-х годов [19], исследователи пошли по пути опроса самого населения о том, что считать признаками бедности и в каких именно предметах и услугах первой необходимости оно нуждается. Тем самым экспертные оценки в процессе исследования уточнялись эмпирически. С начала 90-х годов интерес к этому научному подходу нарастает и в России. Так, в середине 90-х Н. Тихонова провела качественный анализ страт *неэлитного* населения, различающихся образом жизни и структурой потребления; Н. Чернина предприняла попытку выделить индикаторы, характеризующие состояние социальной эксклюзии [20]. Однако результаты первых немногочисленных исследований в этом ключе чаще инициировали вопросы, чем предоставляли на них ответы.

Наиболее полно подход к измерению бедности через испытываемые лишения в российских условиях был проработан и применен в 1997 г. специалистами ИСЭПН РАН [21]. Это исследование внесло существенный вклад в понимание проблематики

бедности в России, поскольку в его ходе впервые был определен набор индикаторов депривации (лишений), отделяющих бедных россиян от небедных. На основе предварительного экспертного списка, включавшего порядка 40 предметов, благ и услуг, которые являются привычными и общепринятыми в повседневной жизнедеятельности большинства российского населения, исследователями были эмпирически выделены 17 наиболее значимых лишений, характеризующих состояние бедности в России (наличие минимум двух из них позволяло причислить обследуемое домохозяйство к бедным).

В 1999-2001 гг. социологами ИКСИ РАН (с участием автора) было предпринято еще одно исследование (руководитель Н. Тихонова), целью которого являлось получение детального представления о специфике российской бедности [22]. В качестве методологической основы проекта, носившего название "Бедность и социальная эксклюзия в России: региональные, этнонациональные и социокультурные аспекты", вновь был применен депривационный подход, поскольку исследование предполагало выявление сущности исследуемого феномена, а не его точное измерение. Остановимся подробнее на результатах применения этого методологического подхода в нашей работе.

Эмпирические результаты предыдущих исследований бедности в России с применением депривационного подхода поставили перед исследовательской группой следующие вопросы: какие из лишений являются признаками не столько бедности, сколько нуждаемости, малообеспеченности? Какие качественные "пороги" потребления и социального участия разделяют бедных и малообеспеченных, нуждающихся и поддерживающих средние жизненные стандарты? Наконец, каково "качественное наполнение" депривации с точки зрения самих бедных, отсутствие каких благ переживается ими наиболее болезненно, какой показатель, с их точки зрения, свидетельствует о том, что человека можно определенно считать бедным? Исходя из этого, мы попытались уточнить, какие виды депривации приходилось испытывать обследованным нами семьям, какова была ее качественная структура и каким "удельным весом" наделялись различные лишения и ограничения в представлениях людей о том, что значит быть по-настоящему бедным.

При определении индикаторов депривации в нашем исследовании совмещались возможности объективного (экспертного) и субъективного (опросного) методов. Был проведен дополнительный мониторинг признаков бедности как феномена современной России, но на этот раз с позиции самих бедных, поскольку выборка формировалась с учетом нуждаемости респондентов. 105 бедным домохозяйствам из Москвы, Воронежа и Владикавказа был задан вопрос: *"Что, по вашему мнению, в настоящее время в России является признаком бедности!"*. Для оценки обследуемым домохозяйствам был предложен список из 26 наиболее значимых ограничений в общепринятом образе жизни, структуре потребления и социальной жизни, который включал в себя те 17 признаков бедности, которые эмпирически вычленили и обосновали социологи ИСЭПН РАН.

Основная задача при этом заключалась в том, чтобы понять глубину испытываемых лишений, руководствуясь тем, насколько явно сами нуждающиеся связывают тот или иной предложенный признак с бедностью. Проведенный анализ субъективного восприятия признаков бедности показал, что респонденты качественно по-разному оценивают степень депривации. Бедность могла трактоваться широко или узко, однако, чем менее распространенным в реальной жизни являлось то или иное лишение, тем большим весом оно обладало с точки зрения "актуализации" бедности как состояния заметного отклонения от общепринятых жизненных стандартов [23].

Одни индикаторы всеми обследованными воспринимались как безусловный признак бедности, следовательно, их наличие в семье означало глубочайшую нужду, крайнюю степень депривированности, нахождение "за порогом". Другие соотносились с бедностью (а тем более - с крайней) менее явно, опосредованно, постепенно утрачивали свою значимость как признаков именно этого состояния, характеризуя скорее

некоторые ограничения в поддержании среднего по распространенности образа жизни. По мере отдаления от реальной бедности, депривация все больше начинала носить преимущественно социальный, а не материальный характер, и тем не менее она действительно лавинообразно захватывала все стороны жизни в тех семьях, которые начинали ее "отсчет" с самых явных в общественном сознании, но наименее распространенных в реальной жизни признаков крайней бедности. Так мы убедились, что качественные "пороги" в материальном благосостоянии (наличие которых предположил П. Таунсенд) действительно существует, а оценки степени обеднения в разных жизненных ситуациях и в разных семьях будут сильно зависеть от того, какой вид депривации они испытывают, на каком качественном уровне нуждаемости в итоге оказываются. Здесь мы подходим к одному из наиболее важных выводов нашего исследования - *в оценках бедности, основанных на депривационном подходе, следует разграничить количественную и качественную стороны депривации.*

Качественное наполнение различных ступеней депривации по оценкам обследованных нами бедных домохозяйств выглядело следующим образом:

IV степень депривации - ступень нищеты, когда ресурсов не хватает на нормальное питание (в семье недоедают, практически не едят свежее мясо, рыбу), семья экономит на предметах гигиены, не обновляет одежду для детей по мере их роста, отказывает им в покупке фруктов, соков, не имеет таких предметов длительного пользования, как телевизор и холодильник (все вышеперечисленное связывали с бедностью по меньшей мере 90% опрошенных, причем с крайней ее степенью - порядка 50%);

III степень депривации - ступень острой нуждаемости (бедности), когда лишения продолжают концентрироваться на качестве питания (ограничения в лакомствах, шоколаде, конфетах для детей, свежих овощах и фруктах для взрослых), нехватке одежды и обуви (взрослые члены семьи вынуждены отказываться от их обновления); семье трудно поддерживать жильё в порядке, иметь в достаточном количестве простую повседневную мебель, организовать в случае необходимости соответствующий ритуальный обряд (похороны, поминки), приобрести жизненно важные лекарства и медицинские приборы; ограничиваются возможности приглашения гостей и выхода в гости (все вышеперечисленное связывали с бедностью от 80 до 90% опрошенных, с крайней ее степенью - 30—40%);

II степень депривации - ступень стесненности (малообеспеченности), когда не хватает средств на любимые в семье деликатесы, подарки для близких, газеты, журналы, книги; снижается качество досуга взрослых и детей; семья не может позволить себе приобрести стиральную машину, посетить далеко живущих родственников; отказывается от платных услуг, в первую очередь, необходимых медицинских *{все вышеперечисленное связывали с бедностью от 60 до 80% опрошенных, с крайней ее степенью - 20-30%}*;

I степень депривации - ступень, характеризующая близкие к средним жизненные стандарты и не означающая существенных отклонений от общепринятого в российском сообществе образа жизни. Семьи, благосостояние которых находится на этой ступени, нуждаются в улучшении жилищных условий (не обеспечены социальной нормой жилья), экономят на приобретении современных дорогих предметов длительного пользования, платных образовательных, рекреационных услугах, семейном отдыхе и развлечениях *{все вышеперечисленное связывали с бедностью менее 60% опрошенных, с крайней ее степенью -10-20%}*.

Следует обратить внимание, что многие виды депривации, испытываемые россиянами в настоящее время, пока напрямую не ассоциируются в массовом сознании с бедностью, поскольку присутствуют у подавляющего большинства населения. Речь идет, прежде всего, о качественных параметрах жизни (жилищных условиях, обновляемости предметов длительного пользования, потреблении определенных товаров и услуг, полноценной социальной и культурной жизни). Существующий на сегодняшний день средний уровень жизни в России в сопоставлении с таким уровнем в развитых западных странах объективно исключает рассмотрение некоторых ограничений потре-

ния с позиций бедности в данном сообществе. Тенденции новой стратификации российского общества, напрямую связанные с социально-экономическими последствиями трансформационных процессов, безусловно, приведут к дальнейшим сдвигам качественного наполнения бедности, что станет предметом исследований в будущем.

Пока же социологи все чаще обращают внимание, что именно бедные (а не все) российские семьи, перейдя некий качественный "порог" депривации (который, по гипотезе и результатам нашего исследования, приходит между Ш-й и П-й степенями испытываемых лишений), вынуждены полностью отказываться от отдельных предметов и видов деятельности, характеризующих общепринятый на сегодня уровень жизни. Запросы наиболее депривированных при этом снижаются настолько стремительно, что складывается впечатление, что они никогда не экономят, например, на отдыхе или досуге (зачастую эти респонденты не отмечают соответствующие позиции как статьи экономии). На самом деле ситуация свидетельствует о свыкании с бедностью и полной утрате надежд на восстановление нормального образа жизни. В определенной степени здесь находит свое отражение известный тезис теории потребностей А. Маслоу: ненасыщенность базовых потребностей людей служит препятствием активизации потребностей более высокого уровня [24]. Данные ВЦИОМ подтверждают полученные нами результаты: в первую очередь такие семьи вынуждены экономить на самых необходимых, а не на дополнительных расходах. Сюда, в первую очередь, входят питание, одежда, расходы на лечение [25]. В структуре питания бедных складывается поистине критическая ситуация, на что неоднократно указывали многие российские специалисты (А. Батурин, Л. Овчарова, Н. Римашевская, В. Тутельян и др.). Экспертный опрос работников социальных служб, проведенный в 1998 г. под руководством В. Мансурова, выявил тенденцию явной экономии на детях (их потребностях в одежде, обучении) в семьях с наиболее неблагоприятным материальным положением [26], и это также полностью подтвердилось результатами нашего исследования.

С другой стороны, мы пришли к выводу, что домохозяйства, депривация которых концентрируется преимущественно на 1-й ступени, едва ли можно рассматривать с позиций нуждаемости, а концентрация лишений на П-й ступени депривации (малообеспеченности) характеризует собой своеобразное пограничное состояние между бедностью и средними российскими жизненными стандартами.

Добавим также, что депривационный подход позволяет конструировать **индекс многомерной депривации**, на основании которого возможно давать оценку жизненным стандартам и степени нуждаемости индивида или домохозяйства, что и было сделано в исследовании. Подобный индекс представляет собой агрегированный суммарный результат наиболее значимых лишений, которые присутствуют у респондентов на момент проведения обследования. В соответствии со значением индекса глубина обеднения распределяется по шкале "нищета" - "бедность" - "малообеспеченность" - "среднеобеспеченность" с учетом не только количественных показателей (суммы набранных индикаторов), но и их качественных характеристик (преимущественной локализации) на разных ступенях депривации с учетом особенностей восприятия бедности в исследуемых сообществах.

Главным в определении бедности через депривацию является то, что респондент оказывается лишенным чего-либо не по своему выбору, а потому, что не может себе позволить даже изредка это иметь. Отделить выбор от ограничений вполне возможно на субъективном уровне, предлагая респондентам альтернативу: *"не пользуюсь, потому что не могу себе позволить"* и *"не пользуюсь, потому что мне это не нужно"*. Кроме того, поскольку в основу оценок изначально заложен относительный подход к пониманию и измерению бедности, наличие определенных лишений, как правило, измеряется через соотношение возможностей респондентов иметь те или иные расходы, пользоваться теми или иными предметами, благами и услугами, позволять себе те или иные виды деятельности - с их прежней ситуацией, привычным уровнем жизни. (Ретроспективная сравнительная оценка, основанная на позиции *"раньше я тратил на это деньги, но сейчас не могу себе этого позволить"*.) Именно так техни-

чески засчитывались индикаторы депривации в исследованиях П. Таунзенда, а также в других исследованиях, опирающихся на депривационный подход.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что ни один из существующих на сегодняшний день методов оценки бедности, подходов к ее пониманию и измерению, при всех достоинствах и недостатках, не может отрицаться. По мнению авторитетного специалиста в этой области Д. Вейт-Вильсона, каждый из методов изучения бедности в современном обществе направлен на решение разных задач [27], и разные методологические подходы скорее взаимодополняют, чем взаимоисключают друг друга. В мире пока еще не найден унифицированный, объективный и бесспорный критерий выделения наиболее нуждающейся части общества. Поэтому вполне понятен постоянный интерес исследователей к различным теоретико-методологическим подходам в изучении этого сложного социального феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бедность в России: государственная политика и реакция населения // Под редакцией Д. Кругман. Всемирный Банк, Вашингтон. М., 1998. С.11.
2. См.: Эволюция теории и практики "государства благосостояния" в 80-е годы: Сб. обзоров/ Отв. ред. О.В. Сальковский. М: ИНИОН, 1991. С. 13-42; *Esping-Andersen G.* (ed.) *Welfare States in Transition: National Adaptations in Global Economies.* L.e.a., 1996. P. 1-27.
3. См.: Динамика бедности // Россия - 2000: социально-демографическая ситуация / Под ред. Н.М. Римашевской. М.: Изд-во ИСЭПН, 2001. С. 156-166.
4. *Красильникова М.Д.* Структура представлений о бедности и богатстве // Экономические и социальные перемены. 1997. № 1. С. 25-26.
5. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (RLMS) осуществляется, начиная с 1992 г., специалистами Института социологии РАН, Института питания РАМН, ряда других исследовательских центров. В роли координатора мониторинга выступает Университет штата Северная Каролина в Чапел Хилле, США. О принципах построения выборки RLMS см.: *Swafford M.* Sample of the Russian Federatin. Rounds V, VI, and VII of the Russian Longitudinal Monitoring Survey / Technical Report. Paragon Research International, 1997.
6. *Овчарова Л.Н., Турунцев Е.В., Корчагина И.И.* Бедность: где порог? // Вопросы экономики. 1998. № 2. С. 61-72.
7. См.: *Айвазян С.А., Колесников С.О.* Уровень бедности и дифференциация по расходам населения России: Финальный отчет по проекту // EERC. 2000. Июль, - *Бондаренко Н.В.* Моделирование уровня бедности: динамический и структурный аспекты // Экономические и социальные перемены. 1997. № 1. С. 14—23; *Корчагина И.И., Овчарова Л.Н., Турунцев Е.В.* Система индикаторов уровня бедности в переходный период в России // Научные доклады EERS: Микроэкономика 2. 1998. № 4.
8. *Заславская Т.* Доходы социальных групп и слоев: уровень и динамика // Экономические и социальные перемены. 1996. № 2. С. 7-13.
9. Проявление "синдрома социальной зависти" отмечают и анализируют: *Воронков В., Фомин Э.* Типологические критерии бедности // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 57-69; *Гудков Л.Д., Пчелина М.В.* Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // Экономические и социальные перемены. 1995. № 6. С. 31—42.
10. См.: *Бондаренко Н.В.* Интерпретация субъективных оценок личного материального благосостояния // Экономические и социальные перемены. 1997. № 6. С. 25-30; *Зубова Л.Г., Ковалева Н.* Общественное мнение по социальным проблемам // Бедность в России: государственная политика и реакция населения / Под ред. Д. Кругман. Всемирный Банк: Вашингтон. М., 1998. С. 293-309.
11. *Standing G.* Societal impoverishment: the challenge for Russian social policy // *Journal of European Social Policy.* 1998. Vol. 8(1). P. 23-42.
12. См.: *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Казаринова И.В., Саровский Э.Г.* Социальная стратификация городского населения // Социол. исслед. 1995. № 5. С. 91-102; *Вавилина Н.Д.* Бедность в России как социальное явление и социальная проблема: Автореф. дис. докт. соц. наук. М., 2000; *Гордон Л.А., Терехин А., Будилова Е.* Опыт многомерного описания

материально-экономической дифференциации населения // Экономические и социальные перемены. 1998. № 1-2.

13. *Townsend P.* Poverty in the United Kingdom. Harmondsworth, 1979.
14. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: Коллективная монография. М.: Моск. Центр Карнеги, 1998. С. 16.
15. Уровень жизни городского населения России и социальные проблемы реформ / Под ред. М.А. Можинной. М.: ИСЭПН РАН, 1995. С. 28-31.
16. См.: *Хахулина Л.А., Тучек М.* Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Куда идет Россия?.. / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 166-175.
17. *Oppenheim C, Harker L.* Poverty: the Facts. L., 1996. P. 88.
18. *Townsend P.* Deprivation // *Journal of Social Policy.* 1987. Vol. 16.Part 2.P. 130-131.
19. *Mack J., Lansley S.* Poor Britain. L., 1985.
20. См.: *Тихонова Н.Е.* Бедные: образ жизни и стратегии выживания // Куда идет Россия?... / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Дело, 1998. С. 200-209; *Чернина Н.В.* Бедность как социальный феномен российского общества // Социол. исслед. 1994. № 3. С. 54—60.
21. Речь идет об исследовании "Бедность в России: лишения и социальная исключенность"; 1997 г.; 900 домохозяйств Санкт-Петербурга и 250 домохозяйств г. Вязники; рук. А. Макколли, М. Можина, Л. Овчарова. Подробнее см.: Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: Коллективная монография. М.: Моск. Центр Карнеги, 1998.
22. Исследование "Бедность в России: региональные, этнонациональные и социокультурные аспекты"; 1999-2001 гг.; 105 бедных домохозяйств из Москвы, Воронежа и Владикавказ; рук. Н. Мэннинг и Н.Е. Тихонова.
23. Подобная зависимость статистически подтверждена. Применение TFR-методики оценки влияния различных факторов на общий вектор благосостояния подтверждает, что индикаторы депривации имеют неравноценные удельные веса с точки зрения качественных "порогов" бедности. См.: *Турунцев Е.В.* Материальные активы домохозяйств и депривация: многокритериальная оценка // Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. М.: Моск. Центр Карнеги, 1998. С. 213-223.
24. *Maslow A.H.* Motivation and Personality. 2nd edition. NY., 1970.
25. *Красильникова М.Д.* Кто на чем экономит // Экономические и социальные перемены. 1996. №4. С. 35-37.
26. *Пронина Е.И.* Причины детской занятости в Москве // Социол. исслед. 2000. № 1. С. 117.
27. *Veit-Wilson J.* Horses for discourses: poverty, purpose and closure in minimum income standards policy // *D. Gordon, P. Townsend* (eds.) *Measuring Poverty and Social Exclusion / L., 2000.*